

Светлана Савицкая

*Дорогая Светлана Васильевна! Сердечно поздравляем Вас с юбилеем!
Примите нашу искреннюю благодарность за Вашу литературную деятельность
и пожелание новых книг, новых творческих достижений, вдохновения,
радости, любви и всемирного признания!*

С. В. Савицкая 15 сентября 2010 года награждена Союзом писателей Евразии, Союзом писателей переводчиков, МГО СП России орденом В. В. Маяковского «За глубокое психологическое исследование, смелую творческую новизну и литературные находки романа “Назови имя Бога”». Роман получил Диплом и почётную медаль «Достояние отечества» как победитель областного фестиваля полезной деятельности в РФ «Мир глазами молодёжи» – Озёрск Челябинской области. Роман был полностью опубликован в 3-м номере литературного журнала «Метаморфозы» (Гомель, Беларусь, 2018). В 2022 году роман был дополнен второй частью. Переведён на турецкий, английский, немецкий, вьетнамский, хинди, китайский языки.

НАЗОВИ ИМЯ БОГА

Космическое эсперанто

Имя Бога – шифр Вселенной, пароль для достижения заветного желания, реализации истиной цели души. Но как узнать это имя? Ведь генетический код у каждого индивидуален! Распознать таинство удастся трём учёным. В процессе решения задачи читателя ждут захватывающие вхождения в Бездну, которая обитаема разными инопланетными существами. Жанр, в котором работает Светлана Савицкая, называется магический реализм. «Правда» её научной фантастики имеет свойство сбываться. Фундаментальные произведения, написанные ярким литературным языком, представляют собой скорее некие астрологические прогнозы, исторические и философские открытия. Прототипами романа «Назови имя Бога» являются живые люди. Так, Юрий Всеволодович Лушниченко, автор корректирующих матриц, фигурирует в роли профессора ЮрВедыча Лебедева. А Зайцев Андрей Викторович (Дмитриев Андрей Геннадьевич) – и в жизни изобретатель системы глобального хранилища данных, за которыми – будущее!

П. П. Глоба. Астролог

ГЛАВА 16

Имя Бога

Пробка. Снег снова выпал обильно и щедро. И ещё продолжал падать сквозь очищенный прозрачный воздух в радужных утренних лучах. Снег будто бы разглядывал сам себя, как разглядывает собственные новогодние локоны девочка, впервые оказавшись у зеркала в бальном платье. Славка выехал рано, ожидая катаклизм. На правом сидении рядом с водителем – Лебедев. Он в обычном суетливо-приподнятом настроении, несмотря на очередную бессонную ночь. Глазёнки блестят. Брови шевелятся.

– На, – протягивает Лебедев Славе мобильник.

– Что там?

– Сюрприз.

Длинные гудки.

– Мама?

– Да, сынок.
– Мама... – у Славы на глаза наворачиваются слёзы. – Я люблю тебя, мама, – говорит он, давясь чувствами недавно пережитых событий.

– И я люблю тебя, Светик.

– Как ты, мама?

– Коровку новую купила. Та совсем мало молока стала давать...

– Мама, прости... я не звонил...

– За что ж прощать, не звонил – значит, складывалось всё хорошо, а сейчас, наверное, ещё лучше вдруг стало...

– Я приеду?

– Давай, к весне. Сад зацветёт, и встречу по-людски...

Телефон отключен. Славка тупо смотрит на пустую картинку мобильника, вопросительно поворачивает голову к профессору.

– Что? Что! – огрызается тот, чувствуя укор во взгляде и с места в карьер начинает нападать: – Мать-то твоя психолог покруче тебя будет!..

К своей деятельности Светослав относился очень ответственно. Там, за стенами института, – социум, его поле деятельности, его хлеб, ум и совесть, – ждёт для изучения. Ждёт от него помощи и коррекции.

Требовательный к себе, он никогда не опаздывал до этого сумбурного непредсказуемого месяца, пока не увидел её: тридцатилетнюю наивную красоту, показавшуюся совершенством. Как назвал это состояние Лебедев – «На всякого мудреца найдётся хоть одна дура, от которой он без ума!»

Он едет к ней. Сегодня он снова едет к ней.

Он знает, что сказать. Он уверен в себе как никогда.

Дива, к которой он летел, ради которой дёргал за усы Вечность, удивлённо улыбнётся, обдав ледяным равнодушием зрачков, и тут же опустит глаза. А может, всё-таки остановит на нём взгляд? На секунду? Ему хватит секунды, чтобы разложить пред нею звёзды? Хватит!

Что говорить? Какая разница!

И вот он застыл в режиме ожидания, напрягшись наполненной информацией пружиной факса.

– Имя назовите, – просит Мечта о Счастье, опустив полные недоступности и отрешённости профессионально-озабоченные работой очи в длинные списки.

– Светик, – говорит он ей, уверенно улыбаясь как старой знакомой, с которой играл в детстве в одной песочнице, да и сейчас не прочь пошалить.

– Светик? – подымает очи Дива. Невероятно! Она... Господи. Нет! Она, царица Несмеяна! Она теперь улыбается совсем не холодно. А скорее, задорно. Похоже, Славка её заинтересовал. И даже рассмешил. – А фамилия у вас есть, Светик? Светик – это что за имя? Я раньше такого не слыхала, – прыснула в кулачок мгновенно помолодевшая Дорожкина. Она оборачивается на коллег-подружек из бухгалтерии, чтобы разделить и с ними веселящую новость. И те, оторвавшись от бумажек, тоже окружают великовозрастного детину, назвавшего себя именем ребёнка, назойливым вниманием взглядов.

– Это Светослав Петрович Большаков! Мать моя, разлюбезная Надежда, назвала меня так однажды, – деланно кланяется влюблённый пятидесятилетний юноша. – Заметьте, Большаков! Не Башлыков там какой-нибудь, Бахметьев или Бурмистров. Большаков бывает один. И на всю жизнь.

– Вы уверены, Светик?

– Больше, чем когда-либо!

– Тогда распишитесь!

– Без раздумий могу расписаться с вами и под любым более интересным документом. Да, кстати, есть такое мнение, что икра может быть и чёрной. Лишь бы хлеб был белый.

Сегодня день зарплаты.

В незастёгнутом пальто Светослав Петрович вылетает из дверей. У машины ждёт ЮрВедыч:

– Ну, что? Получилось?

– Звёзды нужно складывать самим! Ты прав, Лебедев. Тысячу раз прав!

– Ты по-человечески можешь объяснить, что ты ей сказал?

– Я назвал имя.

– Какое имя?

– Светик!

– Светик??? И что теперь?

– А теперь мы вместе едем в отпуск. В Геленджик! Представляешь? Море! Чайки! И мы вдвоём! Счастье!

– Втроём!

– Никаких втроём! И даже не думай! У меня медовый месяц!

– До трёх башенок хоть подвезёшь?

– Подвезу... Как же. Видишь? Встали.

– Это из-за вас. Ничего. Сейчас всё разгоним. Глаза закрой!

– Что-о?

И снова радужные круги. На этот раз вместе с машиной оба оказались в Бездне между мирами и временами. Энергетический кокон автомобиля Светослава распался на мириады светящихся точек. Лебедев замагнитил их рукою в верхний карман пиджака.

Кабинет Командора казался мутновато-призрачным, потому что друзья наблюдали за ним из параллельного пространства. Ему докладывает какой-то учёный, вырванный с кафедры в лабораторию Зака:

– Для выращивания рептоидов в балансе Земли температуры в регионе Центрально-Европейской части должны в течение трёх месяцев держаться у отметки нормального зародыша.

– 36,6 градусов??? – восклицает Лебедев.

– Ну и что? – не понимает Большаков.

– Как это, что? Представляешь? В Москве температуру летом от 30 до 40 градусов, поддержанную искусственно?

– Да, классно!

– Что классно? Что классно? От жары гипертоники сдохнут. Трава станет белой! А пожары?

– Что пожары?

– Полетели, – без слов скомандовал Лебедев.

Мгновенно вывернув карман и радужную оболочку на обычную дневную земную на МКАД, под гудение машин Лебедев и Большаков медленно катятся в затруднённом движении в районе трёх башенок. Только жара мгновенно наполняет вдруг каждую клеточку организма. Пот, как в сауне, покрывает всё тело. Оно становится липким. Чужим. Противным. Хочется снять кожу. Сбросить, вылезти из неё ужом.

Видимость, как в тумане.

Градусник показывает плюс 38.

Жара сразу заставляет сбросить верхнюю одежду и включить кондиционер.

– Что происходит?

– Мы на полгода впереди в Москве. Сейчас узнаем. Радио включи.

– Аномально жаркая и сухая погода установилась в Москве и области, – сообщило радио. – Обычные для этого периода температуры с начала месяца были превышены на 8–9 градусов, кроме того, в городе почти не было дождей. Количество вызовов скорой помощи в Московской области не сокращается уже вторую неделю, сообщают в понедельник «РИА Новости» работники подмосковных станций скорой помощи. Власти Москвы ведут активную работу по предотвращению возникновения пожаров в зелёных зонах столицы в период аномальной жары, что позволяет снизить ущерб от возгораний до минимума. По данным МЧС, площадь пожаров в Подмосковье сократилась почти на четверть – с 174 до 126 гектаров. Город страдает от гари и дыма, которые наносит из Подмосковья, Рязанской и Нижегородской областей. В Москве ожидается двадцатый за лето температурный рекорд. Треть из проверенных газонов в Москве в жару не поливалась. Содержание кислорода в воздухе почти на четверть ниже нормы. Отключения электроэнергии участились в 2–4 раза. Московские власти констатировали, что смертность в столице в последнее время «подскочила» вдвое...

– Рептоидов выращивают, паразиты.

– В смысле?

– Ты же слышал сам, нужно несколько месяцев температуру держать, которая необходима для поддержания жизни зародыша.

– А потом?

– Они, скорее всего, производят гибриды. Сами на нашей планете жить более трёх дней не могут. И приняли решение скрестить «хорька, барсука и штопора»... забавные, должно быть, зверьки!

– Похожие на людей?

– Да, в людском теле, судя по всему.

Слава глядел по сторонам и не узнавал столицу. Трёх башенок, по крайней мере, не было видно, хотя стояли практически под ними. Исчезла разница между светом и тенью, и весь город погрузился в серые полутона сплошного туманного дыма. Такой Москвы ему никогда видеть не приходилось! Внезапно он вспомнил случайно услышанную фразу «облучён и квитирован»... Что она означала?

– А ты, случаем, не рептоид? – покосился он с опаской на Лебедева.

Тот громко захохотал. Брови, невероятно длинные его брови, которых Большаков не видел ни у одного человека на свете, зашевелились тараканьими усами.

– Где б ты увидел рептоида с голубыми глазами?

– Но тогда, «бабушка-бабушка, зачем тебе такие большие» брови?

– Эх, касатик, – загадочно улыбнулся Лебедев, – сейчас очутимся прямо у башенок. Только в том времени, откуда прилетели. Пиджак одевай. Выключи кондиционер. Глаза закрой.

– А что с рептоидами?

– Пока не знаю. Есть тут один человечек. Надо будет потолковать, – Лебедев нащупал в кармане консервную баночку, – поехали!

И...

Снег! Слава не удержался и, вспотевший, вышел без пиджака после жаркого смога в этот снег, только что выпавший у МКАД. На него косились другие водители, зябнувшие в своих авто.

– Господи! – упал он на колени, сгрёб ладонями непорочную охапку леденящих снежинок. – Вседержитель. Всевышний. Всемогущий. Сый. Господь. Сущий. Бессмертный. Предвечный...

– Предвечный? – подошёл вездесущий Лебедев.

– Да, именно Предвечный!

– Ты что? Молишься, что ли? Ты же атеист!

– Не мешай!

– Если ты по поводу рептоидов, так не переживай! Они эти опыты уже сто раз проделывали. Ну, не годится им наша планета для проживания! Расслабься, Слав. Да и мы тут на что? Вселенская матрица... она не позволит...

На Москву падал снег. Просто падал. Туманом загораживая небоскрёбы. Оседал на линиях электропередач.

– Я не хочу в будущее, – тихо сказал Слава.

Зазвонил мобильник.

– Светик? – весело прожурчала Дорожкина.

– Да, солнышко моё! – ответил мгновенно изменившийся в лице Большаков. – Да, уже еду за билетами...

– Гхы-гхы-гхы! «Со-о-олнышко», – гоготнул Лебедев.

Большаков победно глянул на него, закрывая лягушку телефона:

– А что? Может, вправду жизнь-то налаживается? Так ты со мной?

– Я-я-я, – скромно опустил хитрые голубые хулиганистые глазёнки профессор, – только прослежу, чтоб тебя рептоиды не украли. – Засветился весь и довольно плюхнулся в овечий ворс сидения. – Ведь ты же должен и меня понять. Так прикольно наблюдать за разворачивающимися на глазах новыми любовными отношениями! Всё равно, что глядеть премьеру Голливуда.

– А в будущем тебе разве это посмотреть нельзя?

– Ты изменил положение звёзд. Я, правда, до конца не понял, как ты это сделал... Как ты додумался, коллега?!

– Так ты подсказал.

– Да? Склероз! – стукнул себя по лбу деланно Лебедев.

Снег пошёл с ещё большей силой. Наверное, Бог, Сый, Бессмертный, Всевышний, или как его там, решил порадовать москвичей роскошным подарком, зная, что впереди будет дождь. А потом жара. Дым... Только почему-то столица не радовалась. Гневно повизгивая резиной автомобилей, МКАД шорами держала взволнованную кишку пробки. Злобно включали и выключали моторы водители, выбрасывая из окон искусанные окурки в снег. А он всё падал. Белый-белый. Чистый-чистый. Непорочный. Сый. Всевышний. Неубиваемый.

У Славы в голове мелькнула фраза Лебедева о том, что бесполезно спорить, что первично: лёд, вода или пар... Снег. Первичен снег.

Снег умиротворённо пытался освежить замученную, издёрганную людьми землю. Но Слава знал, что этот снег уже в прошлом.